

Глава IX.

Городъ Сороки. Постоялые дворы. Торговля. Населеніе. Табачный промыселъ. Нѣсколько замѣтокъ о табачной торговлѣ. Поперечная улица. Приѣздъ раввина и его проводы. Встрѣча со знакомымъ. Пещера. Жабкинскій монастырь. Мѣстечко Рашковъ. Рыболовство. Мѣстечко Резена. Поѣздка къ резешамъ. Бытъ ихъ. Знакомства.

Городъ Сороки, извѣстный въ древности подъ именемъ Ольхіоніи, принадлежитъ, подобно Хотину, къ генуэзскимъ факторіямъ. Неизвѣстно—какую роль играла во времена оны Ольхіонія, а теперь это довольно жалкій, тѣсный и скучный городишко. Названіе, чисто, повидимому, славянское, производится однако же отъ молдавскаго слова *сарака* — бѣднякъ, и за послѣднее мнѣніе стоятъ болѣе образованные туземцы, ссылаясь на какіе-то письменные документы, которыхъ я, впрочемъ, нигдѣ не видѣлъ. На сколько тутъ истины — предоставляю судить специалистамъ, но, по крайней мѣрѣ, въ малорусскихъ лѣтописяхъ городъ этотъ назывался Сорокою, какъ весьма памятный по битвѣ Тимоша Хмѣльницкаго. Какъ водится, у насъ о жизни этого города не упомянуто нигдѣ, и такъ какъ онъ стоитъ почти не на проѣзжемъ трактѣ (путь сюда лежитъ изъ Кишинева на Могилевъ и т. д.), то мало кто имѣетъ о Сорокахъ понятіе. Впрочемъ, и жизнь-то его не имѣетъ большаго интереса, и еслибы не давняя окрестность да не оригинальныя развалины генуэзской крѣпости, то воспоминаніе собственно о городкѣ недолго бы тревожило проѣзжаго человѣка. Издали, въ особенности при вѣздѣ по могилевской дорогѣ, когда вы остановитесь надъ крутымъ обрывистымъ берегомъ Днѣстра и со страхомъ начнете спускаться—вамъ представляется очень красивое, съ птичьяго полета, небольшое пространство, застроенное недурными домиками, которые особенно уютнѣе и веселѣе по окраинамъ, потому что окружены деревьями, хотя, правду сказать, панорама города не

столько васъ будетъ занимать, сколько великолѣпныя окрестности, тянущіяся далеко, сколько захватываетъ взоръ, за прихотливыми изгибами самой змѣеобразной рѣки въ мѣрѣ. Днѣстръ то приближается къ берегу, то бросается отъ него въ разныхъ направленіяхъ, а берегъ этотъ, состоя изъ крутыхъ нависшихъ скалъ кремнистой породы, рисуется или сѣрыми и бѣловатыми массами камня, или поросъ большими деревьями, между которыми во многихъ мѣстахъ правильными рядами зеленѣютъ виноградныя плантаціи. За рѣкой, по той сторонѣ, на большое пространство, виднѣются воздѣланныя поля, засѣяныя преимущественно кукурузой — этой общей кормилицей приднѣстровскихъ жителей — принадлежатъ ли они къ молдавскому, славянскому или даже іудейскому племени. Но когда, спустясь съ горы, вы въѣдете въ узкую и безспорно лучшую улицу, застроенную еврейскими домами, упирающуюся въ Днѣстръ, по которой, вмѣсто искусственной мостовой и всякаго макадама, насыпано, со временъ потопа, колючихъ кремней — все впечатлѣніе полученное на вершинѣ горы исчезаетъ, фантазія ступшевывается и вы очутитесь среди грязной и довольно бѣдной дѣйствительности. Тутъ же стоятъ два или три еврейскихъ заѣздныхъ дома, въ одномъ изъ которыхъ за умѣренную цѣну можно пріютиться путешественнику. Кромѣ этой улицы есть еще три или четыре продольныхъ; есть какіе-то извилистые маленькіе переулки, густо заставленные домишками и лачужками, на которыхъ, впрочемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ привѣшаны вывѣски, свидѣтельствующія о производствѣ того или другаго ремесла, конечно, вслѣдствіе духа подражанія, потому что въ подобномъ крошечномъ городишкѣ обыватели съ завязанными глазами отыщутъ и Шмуля, который смастеритъ сякое-такое пальто, и Янкеля, могущаго сшить сапоги, и Лейбу, который починитъ вамъ часы, конечно, такъ, что на первой же станціи они не будутъ вамъ болѣе полезны.

Поперечная улица какъ лучшая, чѣмъ ниже къ Днѣстру, тѣмъ тѣснѣе обстроилась небольшими лавчонками, въ которыхъ однако же, благодаря предприимчивости евреевъ, можно найти не только все необходимое, но и небольшое количество предметов роскоши, проникающихъ сюда изъ-за прусской границы, вѣроятно не всегда обогативъ казну таможенными пошлинами.

Городокъ обойти можно въ часъ времени, отъ пригородной деревеньки, лежащей у ручья Цекиновки, до городской больницы и дома земскаго начальника, стоящихъ на противо-

положномъ концѣ, и отъ почтовой конторы до развалинъ генуэзской крѣпости, которая, несмотря на всѣ усилія времени и жителей, стоитъ еще незыблема въ своемъ основаніи. Объ этомъ древнемъ памятникѣ я не собралъ на мѣстѣ никакихъ интересныхъ свѣдѣній, и современные обитатели Сорокъ смотрятъ на него какъ на массу крѣпкаго кирпича и камня, которые могли бы пригодиться на что нибудь полезное, а иные, въ томъ числѣ инвалидная команда, доказываютъ на дѣлѣ истину, тридцать лѣтъ назадъ высказанную Гоголемъ, относительно нашихъ монументовъ. Истина эта до такой степени ощутительна, что, войдя во внутренность развалинъ, слѣшишь поскорѣе назадъ. Для меня, впрочемъ, въ этихъ башняхъ не было уже ничего новаго, потому что я видѣлъ въ Хотинѣ почти такую же постройку. Конечно, можно бы при этомъ удобномъ случаѣ помечтать о прежнемъ бытѣ генуэзской факторіи, набросать нѣсколько предположеній, но археологія не моя специальность. Безспорно, что меня постоянно занимала мысль—какъ и на чемъ генуэзцы плавали по Днѣстру, но самые поиски подобныхъ данныхъ были бы толченіемъ воды, даже и при тѣхъ гипотезахъ, которыя проявляются иногда у изслѣдователей древности.

Хотя Сороки и не представляли для меня особаго интереса, однако, проживъ въ нихъ нѣсколько дней и посѣтивъ ихъ въ послѣдствіи еще раза два или три, я постарался вникнуть, насколько было можно, въ бытъ и средства городка почти полууѣзднаго. Послѣдній эпитетъ придаю ему на томъ основаніи, что уѣзда Сорокского собственно нѣтъ, а существуетъ Сороко-Яскскій, и Сороки не имѣютъ, на примѣръ, уѣзднаго суда, который находится въ городѣ Бельцахъ. Прочіе чиновники, какъ-то: земскій исправникъ, стряпчій, городничій, почтмейстеръ и смотритель училищъ существуютъ въ полномъ составѣ, съ приличнымъ количествомъ засѣдателей, помощниковъ и канцелярскихъ. Объ этихъ господахъ я говорить ничего не буду, потому что совершенно незнакомъ съ ихъ служебною дѣятельностью, но не могу не упомянуть, что всѣ они чрезвычайно гостепримны и стараются не дать пріѣзжему умереть съ голода, что въ этихъ благословенныхъ Сорокахъ весьма можетъ случиться при отсутствіи рестораціи и другихъ заведеній подобнаго рода. Въ заѣздномъ домѣ, въ которомъ я постоянно останавливался, да и въ прочихъ, какъ-то не принято готовить обѣда для пріѣзжающихъ, на томъ основаніи, что послѣдніе обѣдаютъ у кого нибудь изъ знакомыхъ.

Нѣтъ надобности — слѣдовательно хозяева постоянныхъ дворовъ совершенно правы со своей точки зрѣнія. Безъ сомнѣнія они готовятъ еврейскія блюда для своихъ единовѣрцевъ какъ извозчиковъ, такъ и разныхъ промышленниковъ, и эти еврейскія блюда на другихъ мѣстностяхъ если и не изящны, то могутъ при необходимости утолить голодъ невзыскательнаго человѣка, но моя хозяйка, представлявшая мнѣ образчики своей кухни, отличалась необыкновенною способностью отталкивать стремленія самаго голоднаго желудка. Не говоря уже о крайней, можно сказать, цинической неопрятности, но самое содержаніе своихъ кушаній она умѣла составлять по такому рецепту и, конечно, по недосмотру подкрашивала ихъ нѣкими, неидущими къ дѣлу, прибавленіями, что нельзя было безъ тошноты уже смотрѣть на пищу, не только что рѣшиться ее испробовать. Со мной былъ слуга, который во время моихъ постоянныхъ кочевоекъ наострился готовить необходимыя блюда, но въ еврейскомъ домѣ это невысказано за отсутствіемъ особой кухни и при существованіи обычая, въ силу котораго христіанину нельзя прикоснуться къ еврейской посудѣ. Первый день я такъ и провелъ на пищѣ св. Антонія и рѣшился было на будущее время адресоваться къ молдаванамъ за молокомъ и мамалыгой, но, къ счастью, получилъ нѣсколько приглашеній обѣдать, чѣмъ и пользовался безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Впрочемъ, съѣдобная часть въ запустѣніи не въ однѣхъ Сорокахъ и мнѣ случалось не разъ терпѣть лишенія и въ гораздо большихъ городахъ, имѣющихъ по нѣскольку ресторацій. Напримѣръ, Бердянскъ — портовый, довольно большой, городъ, а общественная жизнь до того въ немъ неразвита, что когда я пріѣхалъ туда зимой и остановился въ холодномъ номерѣ, усталый, голодный и перезябшій, то хозяинъ, приказавшій топить у меня печку, послалъ покупать уголья на самоваръ и велѣлъ собственно для моей особы готовить обѣдъ, за который и взялъ то же почти, что возьмутъ у Дюссо или Бореля. Но тамъ есть, по крайней мѣрѣ, клубъ, гдѣ можно остановиться и поѣсть (чего я не зналъ прежде), а въ Сорокахъ рѣшительно приходится мучиться голодомъ. Мнѣ пришло на мысль, что напрасно австрійское правительство осуждаетъ нѣкоторыхъ редакторовъ и литераторовъ на тюремное заключеніе съ условіемъ оставаться извѣстные дни на пищѣ св. Антонія. Такою не гуманною и не современною мѣрою, особенно для конституціоннаго государства, оно только раздражаетъ общественное мнѣ-

ніе. Ему можно бы посовѣтовать достиженіе своей цѣли самымъ либеральнымъ образомъ—именно командировать подоб-ныхъ опальныхъ для посѣщенія, положимъ, съ этнографиче-скою цѣлью нашихъ мелкихъ городишекъ. Ручаюсь, что, если только въ австрійскихъ тюрьмахъ, за исключеніемъ дней обя-зательнаго поста, кормятъ хорошо—командированный литера-торъ значительно утратилъ бы изъ своего объема. Смѣшно сказать, и теперь это для меня уже перешло въ область про-шедшаго, но, путешествуя на казенный счетъ, слѣдовательно всѣмъ обезпеченный, нерѣдко съ порядочнымъ запасомъ де-негъ въ карманѣ, я по цѣлымъ днямъ не ѣлъ ничего, кромѣ молока, потому что (напр., въ Бессарабіи) и хлѣба достать невозможно. Но объ этихъ вещахъ сколько ни пиши, мнѣ кажется, гласность здѣсь рѣшительно не поможетъ, потому что тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, ничего не читаютъ да, наконецъ, еслибъ и читали, то врядъ ли бы измѣнили свои вѣковые обычаи. Не знаю даже, удастся ли и внукамъ нашимъ не голодать нетолько въ захолустьяхъ, но и на са-мыхъ проѣзжихъ трактахъ.

Сороки населены отчасти молдаванами, но преимущественно евреями, которые — и, конечно, по праву — овладѣли всей мѣст-ной торговлей, такъ такъ коренные жители рѣшительно къ ней неспособны. Въ самомъ дѣлѣ, я нигдѣ въ Бессарабіи (говорю о мѣстностяхъ мною посѣщенныхъ) не видѣлъ тор-говаго молдавана, а вездѣ въ лавкахъ сидятъ евреи, греки или армяне. Вся поперечная улица застроена, если не оши-баюсь, еврейскими домами, и въ каждомъ домѣ по обѣимъ сторонамъ въ открытыя окна цѣлые дни могъ я наблюдать весь домашній бытъ этого племени. Противъ моей квартиры копошилось какое-то огромное семейство, и въ этомъ домикѣ постоянно происходилъ такой гамъ, который могъ довести новичка до отчаянія. И большіе, и дѣти, и старики—все это одарено было въ высшей степени пронзительными, крикли-выми голосами; и происходилъ ли обыкновенный разговоръ, подымалась ли руготня, завязывался ли споръ—рѣшить было трудно, потому что изъ оконъ домика постоянно вылеталъ ка-кой-то одуряющій хоръ совершенно въ оригинальномъ вкусѣ. Всѣ ремесленники, по восточному обычаю, отправляли каж-дый свое ремесло также на улицѣ, и потому наблюдать ихъ и присматриваться къ нимъ было очень легко, еслибъ они представляли что нибудь особенно интересное. Мнѣ все хотѣ-лось посмотрѣть того еврея, который являлся ко мнѣ на при-

брежную скалу толковать объ улучшеніи порога, но, сколько я ни присматривался къ фізіономіямъ торговцевъ на поперечной улицѣ, поиски мои были напрасны. Между тѣмъ на другой же день моего пріѣзда нѣсколько евреевъ приходили къ моему хозяину освѣдомиться обо мнѣ, такъ что хозяинъ пришелъ, наконецъ, и началъ меня спрашивать, разумѣется, приступая къ этому окольными путями. Я уже понималъ—въ чемъ дѣло, и потому на первыхъ же порахъ старался изъяснить свои занятія во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые евреи приходили ко мнѣ *за совѣтами* и посредствомъ этой хитрости излагали подь-часъ замысловатыя козни въ видѣ доносовъ. Не безъ любопытства я выслушивалъ словоохотливыхъ посѣтителей, но остерегался даже и совѣтовать что либо, во первыхъ, зная—какъ иногда излагается жалоба одною стороною, а, во вторыхъ, изъ боязни запутаться въ ябедническую исторію. Очевидно меня приняли за важную особу, и, хоть я увѣрялъ, что порученія мои очень далеко отъ какого бы то ни было вмѣшательства и что я лицо неслужащее, однако, убѣдить никого не могъ, что и оказалось впоследствии. Впрочемъ, мнѣ уже не разъ приходилось говорить о подобныхъ *quiproquo*, и потому я боюсь наскучить читателю описаніемъ своихъ приключеній въ этомъ родѣ.

Торговля Сорокъ не представляетъ никакого интереса, потому что состоитъ изъ такого же мелочнаго маклачества, изъ какого состоитъ она и въ прочихъ плохихъ городишкахъ, лежащихъ, пожалуй, и на судоходныхъ рѣкахъ. Нѣсколько евреевъ скупаютъ хлѣбъ, нѣсколько занимаются лѣсомъ, а остальные удовлетворяютъ мѣстной городской потребности, размѣры которой, конечно, ограничены. Пристань представляетъ весьма жалкій видъ, да и то вы узнаете ее лишь по нѣсколькимъ галерамъ, находящимся у берега; но не думайте, чтобъ здѣсь было какое нибудь устройство, хотя уже собственно отсюда галеры внизъ по теченію могутъ идти почти безпрепятственно. Это «почти» относится къ мелямъ, которыя встрѣчаются къ Дубоссарамъ, откуда уже Днѣстръ постоянно глубокъ и многоводенъ. Покамѣсть самый способъ плаванія этихъ несчастныхъ галеръ не внушаетъ никакого довѣрія предпринимателямъ, особенно съ зерновымъ хлѣбомъ, который прорастаетъ во время пути.

У насъ вообще (тѣмъ болѣе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда о внутренней жизни провинцій имѣли изрѣдка

лишь случайныя свѣдѣнія) бываетъ нерѣдко, что, проѣзжая какую нибудь мѣстность, и не подозреваешь, что въ нѣсколькихъ верстахъ существуетъ такая вещь, которую слѣдовало бы посмотреть съ особеннымъ удовольствіемъ. Я жилъ въ Сорокахъ дня три и рѣшительно не зналъ о присутствіи вблизи города не только обширныхъ, но и знаменитыхъ табачныхъ плантацій турецкаго табаку, пользующагося извѣстностью только у недалнихъ жителей, но расходящагося въ огромномъ сравнительно количествѣ по имперіи. Конечно, я не рисковалъ уѣхать изъ Сорокъ, не посѣтивъ плантацій, потому что у меня уже такая натура — рыскать по окрестностямъ и осматривать всѣ особенности; но случай навелъ меня раньше на это открытіе. Здѣсь нелишнимъ будетъ замѣтить, что турецкимъ табакомъ я запасался въ Одессѣ и рѣшительно не заботился о различныхъ фабрикаціяхъ; зналъ только, что фабриканты подмѣшиваютъ значительную часть суррогата, который полагалъ всегда крымскимъ табакомъ, и заботился лишь о томъ, чтобы мнѣ крошили чистый турецкій. Извѣстно обыкновеніе на югѣ, гдѣ каждый, нося съ собой табакъ и бумажки, свертываетъ папироски, и вотъ почему мнѣ не приходилось прежде знакомиться съ табаками небольшихъ городковъ. Но въ Сорокахъ знакомые, несмотря на мою привычку свертывать папироски изъ собственнаго табаку, предлагали попробовать туземнаго »цепиловскаго«. По виду табакъ этотъ ничѣмъ не разнится отъ турецкаго, но имѣетъ и свой собственный запахъ, лишенный аромата, отдѣляемаго турецкимъ, и свой вкусъ какой-то горечи, и жиръ, отъ котораго чернѣетъ бумага, и, наконецъ, особенное свойство драть горло, привыкшее къ табаку чисто турецкому. Разумѣется, привыкнуть можно, какъ привыкаютъ ко всему, но кто курилъ табаки, произрастающіе въ европейской Турціи, тому вкусъ цепиловскаго покажется точно такимъ же, какъ вкусъ рижской сигары послѣ гаванской. По наружности же цепиловскій табакъ ничѣмъ не отличается отъ турецкаго, и, скажу лучше, въ продажѣ онъ распространенъ у насъ вездѣ или просто подъ именемъ послѣдняго, или въ соединеніи съ нимъ, порой въ значительной пропорціи. Въ комнатѣ послѣ него остается сильный, какой-то прогорклый, запахъ гари, пропитывающій съ необыкновенною силою ваше платье, такъ что, если провести какую нибудь недѣлю между курильщиками, и вашъ сюртукъ или ваше платье будетъ уже до конца своего существованія разносить вездѣ свой особенный, весьма непріятный, запахъ.

Вся окрестность Сорокъ покрыта преимущественно табачными плантаціями; особенно селенія Цепиловка и Полуцепиловка только и занимаются разведеніемъ табаку, что доставляетъ порядочный доходъ сравнительно и что, конечно, доставляло бы еще большія выгоды, еслибы воздѣлываніе этого растенія производилось другими, не рутинными, способами. Я упомянулъ только Цепиловку и Полуцепиловку, но и, кромѣ нихъ, многія селенія занимаются преимущественно табаководствомъ, потому что запросъ на табакъ съ каждымъ годомъ увеличивается болѣе и болѣе. Здѣсь, я полагаю, будетъ кстати упомянуть о табачной торговлѣ вообще и относительно южнаго края въ особенности, потому что исключительно отсюда, т. е. черезъ черноморскіе и азовскіе порты, доставляется табакъ внутрь имперіи.

Какихъ нибудь лѣтъ двадцать назадъ курильщики, которыхъ тогда было не очень много, раздѣлялись на сигаристовъ и трубочниковъ. Южныя и западныя губерніи потребляли табакъ турецкій, остальные довольствовались такъ называемыми вакштафами, изобрѣтеніемъ германской промышленности.

Чистый американскій табакъ составлялъ роскошь и для многихъ былъ недоступенъ. Считаю обязанностью оговориться, что изъ массы потребителей я выдѣляю простонародье, которое совсѣмъ не куритъ въ иныхъ великорусскихъ губерніяхъ, а украинцы довольствуются мѣстнымъ, аммерсфордскаго происхожденія, табакомъ, слывающимъ подъ названіемъ «махорки». Табаки, особенно турецкіе, были въ то время отличнаго качества и продавались по баснословно дешевой цѣнѣ, хотя потребленіе ихъ на востокъ было огромное и повсемѣстное. Но эти табаки почти что не шли въ Великоросію. Введеніе папиросъ быстро измѣнило характеръ табачной промышленности, и, хотя сперва, напр., въ Петербургѣ и Москвѣ папиросы начали выдѣлывать изъ мариланда, однако, попытались насыпать ихъ и изъ турецкаго, давая такимъ образомъ послѣднему возможность войти въ заповѣдный для него кругъ любителей вакштафа, на что вакштафныя фабриканты и не обратили сперва вниманія, крѣпко вѣруя во вкусъ и привычки своихъ потребителей. Любопытно было бы прослѣдить статистическія цифры, чтобы судить о прогресѣ турецкаго табаку, который въ настоящее время вытѣсняетъ уже и американскаго собрата, и всѣ сорта высокаго вакштафа, изрѣдка еще употребляемые нѣмцами, иными стари-

ками и рутинистами, тѣми курильщиками, которые съ одинаковымъ вкусомъ будутъ курить — положите ли вы имъ въ трубку табаку, моху, капусту, соломы и т. д.

Собственно на югѣ по побережьямъ морей давно уже самодѣльные папирсы смѣнили трубку — этотъ нелѣпый инструментъ, неудобный для ношенія и требующій извѣстнаго ухода, но все еще и въ южномъ краю долго было множество трубкакурильщиковъ и даже въ Одессѣ попадались въ лавкахъ различные вакштафы петербургскихъ и московскихъ фабрикъ. Но какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, особенно же съ крымской кампаніи, турецкій табакъ разомъ вошелъ въ повсемѣстное употребленіе. Притомъ же папирсы произвели такую революцію въ нашемъ обществѣ, что по удобству проникли не только въ карманъ гимназиста, но и молоденькой пансіонерки, и страсть къ куренію охватила и юношество, и подъ-часъ отрочество. Значитъ потребленіе табаку приняло громадныя размѣры.

Съ развитіемъ этой потребности правительство увидѣло въ ней выгодную статью дохода и, кромѣ извѣстной пошлины на привозный табакъ, обложило акцизомъ и внутреннее его производство, т. е., говоря попросту, крошку, потому что фабрика турецкаго табаку занимается только его сортировкой, крошкой и набивкой въ картузы различнаго объема.

Табачная торговля во многихъ западныхъ государствахъ составляетъ казенную монополію, и мы еще не можемъ пожаловаться на стѣсненія, какъ, напр., въ Австріи, гдѣ волеяневолей вы должны курить табакъ мѣстнаго произрастанія, если не желаете заплатить чудовищную пошлину за иностранный, который везете съ собой. У насъ акцизъ сравнительно недорогъ, но онъ или, лучше сказать, форма его полученія довольно неудобна для потребителя. Табакъ — роскошь, безъ которой можно обойтись — слѣдовательно налогъ и нѣсколько большій не былъ бы такъ отяготителенъ, какъ мѣра, вслѣдствіе которой я долженъ покупать табакъ не тотъ, который вижу и выбираю, а тотъ, какой мнѣ дадутъ въ лавкѣ или на фабрикѣ — мѣста, которыя не вездѣ могутъ похвалиться безупречностью. Я уже не говорю, что у насъ нѣтъ раздробительной продажи (недавно только дозволено продавать табакъ въ осьмушкахъ), какъ, напр., во Франціи, гдѣ вы можете въ лавкѣ спросить одну сигару, но собственно замкнутость и тайна и обязательное для меня довѣріе къ добросовѣстности фабриканта — вотъ условія, стѣсняющія потребителя при су-

ществующей формѣ взиманія акциза. И вслѣдствіе этого стѣсненія у насъ произволь иныхъ фабрикъ достигъ до такой степени, что не только низшіе сорты табаку, но даже высшіе, такъ называемые отборные, продаваемые просто по баснословнымъ цѣнамъ (4 р. 50 к. до 5 р.), бываютъ чрезвычайно дурнаго качества. А позвольте спросить—какъ вы, при всемъ знаніи дѣла, избѣжите надувательства, разумѣется, самаго безсовѣстнаго, когда картузь обклеенъ бандеролью? Есть фабриканты, которые приготавливаютъ коробки со стеклянной крышкой, но тутъ вы можете видѣть одинъ цвѣтъ, ничего не доказывающій. Вы не можете даже приложить къ дѣлу обонянія, убѣждающаго иногда въ положительныхъ или отрицательныхъ качествахъ. Правда, вамъ порою выкроить треугольничекъ, и вы имѣете возможность дѣлать свои наблюденія надъ какой нибудь щепоткой; но кто же васъ увѣритъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ не положить немного хорошаго табаку и не набьютъ весь фунтъ такой мерзостью, какую по большей части курить столичное человѣчество. Наклейка бандероли, прикрывающей товаръ или, лучше сказать, дѣлающей товаръ недоступнымъ для испытанія покупателя, породила на многихъ фабрикахъ цѣлую стройную систему злоупотребителей, падающихъ всей тяжестью единственно на покупателей. Чистаго, хорошаго турецкаго табаку вы рѣдко, очень рѣдко гдѣ найдете, а непременно всѣ высшіе сорты заключаютъ въ себѣ много процентовъ крымскаго и бессарабскаго, которые, по условіямъ ли почвы, по неправильному ли уходу, имѣютъ непріятный вкусъ и запахъ. По наружному виду отличить подмѣсь эту довольно трудно, но стоитъ понюхать — и подлогъ легко можетъ быть открытъ при небольшой даже опытности. На югѣ мнѣ рассказывали иные фабриканты, что безъ подмѣси обойтись нельзя, вслѣдствіе положенія, установившаго разъ навсегда одну норму для 1, 2, 3 и 4 сортовъ. Здѣсь, если хотите, есть своя доля справедливости. Какимъ образомъ назначить таксу на товаръ, цѣны на который не только подвержены колебанію, но могутъ повышаться иногда въ значительной пропорціи, какъ и случилось съ турецкимъ табакомъ послѣ крымской кампаніи. Что въ началѣ пятидесятихъ годовъ стоило 50 к., то въ 1857 и 1858 продавалось по два рубля! Разница немалая. Какимъ образомъ, если въ Константинополѣ пудъ табаку обходится 60 р., значитъ фунтъ 1 р. 50 к., одесскій фабрикантъ, оплативши еще фрахтъ, таможенные пошлины и употре-

бывши капиталъ на крошку, упаковку и проч., можетъ продавать его по таксѣ—1-й сортъ 1 р. 8 к., 2-й 72 к., и т. д. Конечно, онъ изъ пуда выберетъ десять фунтовъ, которые продать можетъ по три рубля, еще десять по 2, но остальное количество покроетъ ли его расходы?

Вотъ вслѣдствіе чего фабриканты и употребляютъ суррогатъ изъ крымскихъ и бессарабскихъ табаковъ, пудъ которыхъ обходится имъ рублей по десяти или двѣнадцати. Но необходимость обходить законъ, во избѣжаніе очевидныхъ убытковъ, подала имъ также мысль употребить ее и для порядочной наживы, и вотъ почему въ самые высокіе сорта кладутъ они значительный процентъ суррогата. А штука выходитъ хорошая. Напримѣръ, является покупатель и предлагаетъ за отборный табакъ два рубля за фунтъ. Ему на пять фунтовъ настоящаго турецкаго табаку, стоящаго этой цѣны, фабрикантъ положить столько же крымскаго или бессарабскаго по 30 к. Смѣсь эту можно курить, но она въ сложности обойдется фабриканту менѣе чѣмъ въ рубль двадцать копѣекъ, а идетъ за два рубля. Въ самый трехрублевый табакъ кладутъ процентовъ 30 суррогата, а изъ низшихъ сортовъ, еще въ первомъ есть частичка турецкаго, но во второмъ и т. д. врядъ ли будетъ хоть одинъ стебель. Такимъ образомъ акцизная система причинила немалый вредъ табачной промышленности, стѣснила потребителей и все-таки не избавила казну отъ ущерба въ полученіи слѣдуемыхъ доходовъ. Очень долго, по крайней мѣрѣ два года тому назадъ, во время пребыванія моего на югѣ, на любой фабрикѣ можно было купить табакъ безъ бандероли. Впрочемъ, этого невозможно избѣжать никакими штрафами, никакими строгостями. Довольно сказать, что акцизные табачные надзиратели, если не всѣ, то многіе находятъ свою должность невредною. Мнѣ кажется, этого можно было бы избѣжать самымъ легкимъ способомъ: взыскивать акцизъ по расчету при очищеніи пошлины на таможенныхъ. Со введеніемъ этой мѣры, можетъ быть, закрылись бы нѣкоторыя фабрики, но установлено было бы справедливое равновѣсіе: казна получила бы—что ей слѣдуетъ, а потребитель покупалъ бы то, что онъ хочетъ. Съ крошеннаго же табаку внутренняго произрастанія пошлину взыскать тоже нетрудно, если взять во вниманіе среднее годовое приготовленіе фабрики и обложить послѣднюю слѣдуемымъ акцизомъ. Одинъ годъ больше, другой меньше, но косвенный налогъ все-таки не былъ бы меньше той цифры, какая поступаетъ нынѣ въ

казну, особенно если исключить содержание опекуновъ, т. е. чиновниковъ, канцелярскіе расходы, печатаніе бандеролей, пересылку ихъ по почтѣ. При системѣ, мной предлагаемой, вѣнужно никакихъ непроеводительныхъ расходовъ. Конечно, съ этою мѣрою прекратились бы большіе барыши, но неужели же для поощренія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, стѣснять нѣсколько сотъ тысячъ и даже, можетъ быть, цѣлый милліонъ курильщиковъ.

Высказавъ свой бѣглый взглядъ на табачную торговлю, возвращаюсь къ Сорокамъ или, вѣрнѣе, къ ихъ окрестностямъ — этому Эльдorado россійскихъ табачныхъ фабрикантовъ, Эльдorado безвѣстному за предѣлами Бессарабіи, но дающему огромные доходы нѣкоторыхъ счастливымъ промышленнаго міра. Но собственно владѣльцы плантацій не получаютъ значительныхъ доходовъ, особенно крестьяне, изъ которыхъ многіе, запродавъ евреямъ табакъ еще на корнѣ и, разумѣется, получивъ самую ничтожную сумму, обрабатываютъ его въ пользу своего заимодавца. Я отправился осматривать эти плантаціи и при помощи одного очень умнаго господина, учителя X — го, мнѣ удалось узнать нѣкоторыя подробности. Въ особенности принять радушно былъ я владѣльцемъ Полуцепиловки, отставнымъ инженеромъ путей сообщенія, который, какъ человѣкъ образованный, хоть и при небольшихъ средствахъ, съ любовью занимается сельскимъ хозяйствомъ. Свѣдѣнія, имъ сообщенныя, для меня интереснѣе другихъ, потому что онъ ихъ пріобрѣлъ не разспросами, не поверхностнымъ наблюденіемъ, а прилагая опытъ и къ рутинному способу обработки табаку и употребляя различныя нововведенія. Первое, что сообщилъ онъ мнѣ важнаго — это особенное свойство почвы, на которой сѣмена самыхъ лучшихъ сортовъ турецкаго табаку, при какомъ бы старательномъ уходѣ ни было, даютъ продуктъ, непременно разнящійся отъ своего прототипа. Дѣйствительно я курилъ у него отборный мѣстный табакъ и получилъ въ подарокъ нѣсколько фунтовъ, которые постоянно испытывалъ въ послѣдствіи и находилъ и вкусъ, и запахъ, прирожденный бессарабской почвѣ. Положимъ, въ немъ было меньше горечи и свойства дерущаго въ горлѣ, но привыкнуть къ нему я не могъ, несмотря на все желаніе. Пробовали и пробуютъ разводить сѣмена американскаго табаку, который, какъ извѣстно, вкусомъ и запахомъ совершенно не походить на турецкій, но черезъ годъ, черезъ два изъ сѣмянъ этихъ въ Бессарабіи вырастаетъ табакъ, подходящій къ турецкому, те-

рая свои американскія особенности. Но этотъ вкусъ и запахъ непріятны собственно тому, кто привыкъ постоянно курить чистый турецкій табакъ безъ подмѣси, а такихъ курильщиковъ немного; начавъ же прямо съ бессарабскаго и войдя въ его вкусъ, можно безъ нужды довольствоваться его употребленіемъ, что и испытываютъ курильщики низшихъ сортовъ табаку, извѣстнаго въ продажѣ подъ названіемъ турецкаго. Но развитіе этой промышленности и значительное требованіе на табакъ могутъ произойти лишь тогда, когда онъ будетъ продаваться за бессарабскій и, разумѣется, по цѣнѣ значительно пониженной. А послѣднее обстоятельство очень возможно, принявъ во вниманіе дешевизну табаку на мѣстѣ и недорогую доставку хоть и къ отдаленнымъ нашимъ рынкамъ. Самый высшій сортъ фабрикантъ легко можетъ продавать по шестидесяти копѣекъ, а это уже будетъ огромная разница. Слова нѣтъ, что здѣсь нарушится система продажи турецкаго табаку и уменьшатся выгоды фабрикъ, но вѣдь и теперь послѣднія выпускаютъ въ низшихъ сортахъ табакъ не турецкій, а берутъ съ потребителей огромную сравнительно цѣну. По крайней мѣрѣ тогда покупатель будетъ поставленъ внѣ обмана, потому что если фабриканты турецкаго табаку угостятъ его смѣсью съ преобладаніемъ бессарабскаго, то онъ увидитъ подлогъ и охотнѣе примется за табакъ туземный, который обойдется ему дешевле на 50%.

И въ самомъ дѣлѣ въ настоящее время какъ-то странно допускать такой явный обманъ, какъ фабрикація турецкаго табаку и въ большихъ городахъ, и особенно въ столицахъ. Конечно, отъ этой смѣси вреда нѣтъ никакого, какъ не было его и отъ воды, вливаемой въ откупную водку, но за что же платить рубль за вещь, которая стоитъ тридцать копѣекъ, потому только, что эта вещь идетъ подъ названіемъ привозной. Слова нѣтъ, что турецкій табакъ вздорожалъ въ послѣдніе годы значительно, однако и продаютъ же его у насъ не дешево подъ видомъ отборнаго (отъ 2 рубл. 50 к. до 5 рубл.). Въ Одессѣ мнѣ рассказывали, что вздорожалъ онъ въ Турціи во время крымской кампаніи вслѣдствіе знакомства съ нимъ союзныхъ войскъ, которыя, по возвращеніи въ отечество, продолжаютъ курить его съ большимъ удовольствіемъ. Не знаю — въ какой мѣрѣ это справедливо и какъ приобретаютъ его французы при стѣснительной казенной монополии, но мнѣ привозили знакомые табакъ изъ Константинополя, плаченный на мѣстѣ фунтъ около 40 піастровъ. Прав-

да, что то былъ табакъ превосходнаго качества, однако нѣсколько лѣтъ назадъ его продавали въ десять разъ дешевле.

Табачныя плантаціи въ окрестности Сорокъ воздѣлываютъ болѣе или менѣе допотопнымъ способомъ, и почва почвой, а все же, мнѣ кажется, еслибы приняты за дѣло съ энергіей и знаніемъ, то эта отрасль хозяйства давала бы значительный доходъ хозяину. Еще помѣщики стараются по возможности — обновляютъ сѣмена, готовятъ землю, но царане поступаютъ рѣшительно очертя голову и извлекаютъ самыя скудныя выгоды, особенно имѣя дѣло съ мѣстными евреями, которые, разумѣется, норовятъ купить продуктъ за безцѣнокъ. Пріѣзжіе агенты большихъ фабрикъ изъ Одессы и Москвы предпочитаютъ имѣть дѣло съ евреями, которые приготавливаютъ табакъ заблаговременно. При этомъ я не могу не вспомнить одного происшествія, подавшаго мнѣ поводъ пристальнѣе взглянуть на торговлю турецкимъ табакомъ и проникнуть въ ея тайны. Въ Сорокахъ я встрѣтилъ молодаго человѣка, довольно приличнаго, коммиссіонера или приказчика одной изъ одесскихъ фабрикъ. Если не ошибаюсь, онъ покупалъ около шести тысячъ пудовъ цепиловскаго табаку и держалъ себя весьма шикарно *въ провинціи*. Надо замѣтить, что одесситы не только считаютъ Одессу городомъ, неуступающимъ столицѣ, но иные вполне убѣждены, что она гораздо лучше Петербурга. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, очутясь въ Одессѣ, я вспомнилъ, что одинъ мой пріятель поручилъ мнѣ привезти ему для пробы цепиловскаго табаку, и рѣшилъ хоть въ Одессѣ исполнить его порученіе. Удобнѣе всего показалось мнѣ отправиться на фабрику, агентъ которой дѣлалъ такую большую покупку въ Бессарабіи. Прихожу. На фабрикѣ было много покупателей: нѣкоторые пріѣзжіе помѣщики запасались табакомъ по полпуда, и все это требовало хорошаго, отборнаго. Приказчики едва успѣвали исполнять требованія. Я обратился къ одному господину, который былъ посвободнѣе и только отрывисто отдавалъ приказанія.

- Мнѣ нужно табаку, сказала я.
- Какого и сколько будетъ угодно?
- Пять фунтовъ самаго лучшаго цепиловскаго.
- Извините, я не слышалъ какого.
- Цепиловскаго.
- Очень жаль, но не могу исполнить вашего желанія — у насъ только табакъ турецкій.

Фраза эта была произнесена съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Я посмотрѣлъ прямо въ глаза щеголеватому господину.

— Какъ же, началъ я съ маленькой досадой: — еще такъ недавно для васъ куплено въ Сорокахъ нѣсколько тысячъ пудовъ...

— Извините, вы вѣроятно ошиблись: мы готовимъ только табакъ турецкій.

— И табакъ, я вамъ скажу, отличный, отозвался какой-то помѣщикъ. — Я уже лѣтъ шесть какъ беру у нихъ постоянно.

Послѣ этого я, разумѣется, не настаивалъ и скоро нашелъ въ одной лавочкѣ цепиловскаго табаку, за который однако же съ меня взяли порядочную цѣну.

Тогда-то я узналъ—какъ крымскій и бессарабскій табакъ смѣшиваютъ съ турецкимъ, а иногда и въ чистомъ состояніи развѣшиваютъ подъ именемъ дюбека, бафры, македонскаго и т. д. Фактъ, совершающійся воочію и въ настоящее время. Извѣстенъ подлогъ сигаръ: какъ въ торговлѣ надуваютъ любителей нѣмецкими сигарами вмѣсто гаванскихъ, и нѣсколько лѣтъ назадъ напечатана была продѣлка европейскихъ фабрикантовъ, которые отправляли свои сигары на корабляхъ въ Гаванну, откуда онѣ, разумѣется, приходили снова въ Европу за настоящія гаванскія. Не знаю правда ли, но одинъ знакомый увѣрялъ меня, будто бы въ Одессѣ пробсвали такую же штуку съ цепиловскимъ табакомъ, отправляя его въ Константинополь. Мнѣ кажется, впрочемъ, что если дѣйствительно фрахтъ недорогъ, то можно безъ большаго ущерба выкинуть подобную штуку, но не будетъ никакого смысла, потому что покупатели и безъ того преспокойно курятъ бессарабскій табакъ вмѣсто турецкаго, хотя и платятъ за него какъ за привозный. Специалисты меня научили—какъ различать на фабрикѣ настоящій товаръ отъ поддѣльнаго, и я охотно дѣлюсь этимъ урокомъ съ моими читателями, если онъ можетъ сколько нибудь послужить имъ въ пользу. Турецкій табакъ доставляютъ изъ-за границы плотно сложенными листами въ кипахъ, обтянутыхъ холстомъ, такъ что обертка эта не покрываетъ всей кипы, и перевязанныхъ шерстяными шнурками. Нашъ мѣстный табакъ привозятъ или въ мѣшкахъ, или въ рогожахъ, связанный только въ небольшіе пучки (папуши), перевязанные туго около корня.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, за вѣрность которыхъ, разумѣется, ручаться невозможно, есть фабрики, требующія

по восьми тысячъ пудовъ бессарабскаго табаку, и хотя вы его встрѣтите по всей имперіи, однако не найдете нигдѣ подъ настоящимъ именемъ. Повторяю, что эта отрасль промышленности могла бы принести значительную пользу краю, еслибы за нее приняты на болѣе разумныхъ основаніяхъ и сбыту дать другой, добросовѣстный характеръ. Вѣдь потребителю, который платитъ, положимъ, рубль за фунтъ табаку, извѣстнаго ему подъ именемъ турецкаго и удовлетворяющаго неприхотливый вкусъ — совершенно все равно, если этотъ табакъ назовутъ, напримѣръ, цепиловскимъ, но ему не все равно платить только шестьдесятъ копѣекъ, и въ силу послѣдняго обстоятельства потребленіе увеличится непремѣнно. Накопецъ кто знаетъ: можетъ быть, всѣ опыты, производившіеся доселѣ съ выписными сѣменами, дали бы результатъ гораздо удовлетворительнѣе, еслибы пригласить разумныхъ и искусныхъ специалистовъ. А въ наше время табачная промышленность можетъ назваться весьма выгодною статью при умножающейся въ сильной прогресіи массѣ курильщиковъ. Я не говорю уже на югѣ, гдѣ чуть не грудныя дѣти умѣютъ свертывать папироску, но вы посмотрите хоть бы и въ Петербургѣ, напр., на пароходахъ, на загородныхъ гуляньяхъ. Кто не курить? Вотъ почему необходимо улучшать наши табачныя плантаціи, потому что лѣтъ черезъ десять, смѣло можно сказать, потребленіе табаку будетъ огромное. И, разумѣется, кому же удобнѣе заняться улучшеніемъ, какъ не крымскимъ и бессарабскимъ плантаторамъ, какъ людямъ привычнымъ къ дѣлу и которыхъ интересъ главнѣйше заключается въ возможно большемъ распространеніи своего продукта. Между тѣмъ у насъ о мѣстностяхъ, производящихъ табакъ, почти неизвѣстно. Была когда-то дѣльная брошюрка, изданная въ Одессѣ, о воздѣлываніи табаку въ Бессарабіи, но врядъ ли она доходила до столицъ, какъ и многія еще другія провинціальныя изданія. Конечно, всѣ почти знаютъ, что существуетъ табакъ крымскій или бессарабскій, но каждый вполне увѣренъ, что это дрянъ, даже большинство изъ тѣхъ, которые курятъ эти же самые табаки подъ названіемъ турецкаго.

Въ заключеніе не могу не сказать, что, при взиманіи съ турецкаго табаку акциза вмѣстѣ съ таможенными пошлинами, табакъ обходился бы дешевле потребителю еще и потому, что фабриканты не обязаны были бы заказывать коробки и платить за упаковку, что, разумѣется, падаетъ нынѣ на долю покупателя.

Я не спору, что городъ Сороки не представляетъ обильной пищи для наблюдателя, но все же имѣетъ кое-что оригинальное. Такъ, на примѣръ, поперечная улица, заселенная преимущественно евреями, представляетъ въ пятницу вечеромъ чрезвычайно живое и нелишенное пріятности зрѣлище. Конечно, во всѣхъ городахъ, гдѣ живутъ евреи, наканунѣ шабаша у нихъ увидите и усиленное освѣщеніе, и огромныя толпы, расхаживающія по городу. Но въ Сорокахъ этотъ вечеръ оригиналенъ собственно тѣмъ, что поперечная улица эта, во первыхъ, спускается съ крутой горы, и, во вторыхъ, что тутъ нѣтъ, если не ошибаюсь, ни одного не еврейскаго дома. Значитъ всѣ окна освѣщены, открыты (весною, лѣтомъ и осенью) и вы можете смотрѣть на семейный ужинъ, не стѣсняясь. Попадаются группы очень интересныя и въ высшей степени типичныя, особенно если въ нихъ есть старики, лица которыхъ въ этомъ племени обладаютъ необыкновенною выразительностью. И вообще всѣ эти трапезующія семейства, за столами, озаренными большимъ количествомъ свѣчей, при этой серьезности, гдѣ младшіе члены слова не смѣютъ сказать при старшихъ и гдѣ всѣ проникнуты благоговѣніемъ — представляютъ рельефную картину для проѣзжаго. Къ тому же бессарабскіе евреи, какъ я замѣтилъ уже въ прежнихъ главахъ, сохранили свой старинный костюмъ, свои пейсы, и мохнатая шапка ихъ придають цѣлому нѣчто средневѣковое. Какъ нарочно, въ описанную ночь съ пятницы на субботу погода стояла чудная, вѣтра не было совсѣмъ и изъ открытыхъ оконъ вырывались тихіе голоса, сливаясь будто бы въ согласный хоръ, нелишенный своей пріятности. И это не былъ тотъ крикливый шумный гвалтъ, который мы привыкли слышать даже при малочисленномъ сборищѣ евреевъ, но скорѣе можно назвать голоса эти гудѣніемъ пчель въ огромномъ ульѣ. Во время этого ужина евреи какъ-то удерживаются отъ вскрикиваній, отъ которыхъ они не удерживаются въ прочее время, и говоръ ихъ, доведенный до возможно тихихъ нотъ, не дѣйствуетъ на нервы. Я замѣтилъ двѣ — три чрезвычайно красивыя женскія головы, нѣсколько благообразныхъ стариковъ и не одну группу дѣтей, прекрасныя личики которыхъ годились бы въ любой кипсекъ. Все это выигрывало отъ освѣщенія, сосредоточеннаго на столѣ и бросавшаго яркій колоритъ на фізіономіи.

У моего хозяина также собралось большое общество, но здѣсь, кромѣ его семьи, было еще довольно пріѣзжихъ евре-

евъ, которые съ пятницы на субботу, какъ бы ни спѣшили по самому экстренному дѣлу, непременно останавливаются въ городкѣ или въ мѣстечкѣ, гдѣ живутъ ихъ единовѣрцы. Въ шабашъ еврей нетолько обязанъ ничего не дѣлать, но даже не можетъ ѣхать, и вслѣдствіе этого они шабашуютъ гдѣ придется, хотя бы и на почтовой станціи. На постояломъ дворѣ собрались евреи изъ разныхъ губерній, и по этой небольшой кучкѣ можно было судить—какъ велика дѣятельность іудейскаго племени, когда на такомъ непроѣжемъ трактѣ встрѣчались и жители царства Польскаго, и обитатели Черниговской губерніи, и мѣщане изъ далекаго Азовскаго поморья. Что привело ихъ сюда — узнать было невозможно, потому что на разпросы любопытнаго слѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: »по своимъ дѣламъ«; но какія это дѣла, разумѣется, оставалось тайною. Еврей, напримѣръ, изъ Люблинской губерніи могъ еще ѣхать въ Одессу черезъ Бессарабію, но жителю какого нибудь Новгорода-Сѣверска, отправлявшемуся въ Крымъ, уже никакъ не лежитъ дорога черезъ Сороки; но онъ ѣхалъ на своихъ лошадяхъ этимъ трактомъ и зналъ молдавскій языкъ не хуже бессарабскихъ единовѣрцевъ. Меня сильно подмывало проникнуть хоть сколько нибудь въ интересы этихъ проѣзжихъ, но подобный людъ необыкновенно остороженъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно хозяинъ постоялаго двора сообщилъ на мой счетъ какія нибудь догадки, располагающія къ усиленной осторожности. Это я замѣтилъ собственно потому, что когда я обратился къ еврею, называвшемуся мѣщаниномъ Черниговской губерніи, и началъ его спрашивать о лѣсной торговлѣ, такъ какъ онъ самъ разговаривалъ о плотяхъ и судорбочихъ, то онъ, неизвестно вдругъ почему, началъ увѣрять меня, что *прашпортъ* у него въ исправности. Послѣ подобнаго заявленія трудно уже было предпринимать дальнѣйшіе разпросы, и я ограничивался пустымъ и неинтереснымъ для меня разговоромъ.

Дня два послѣ этого я былъ въ разъѣздахъ по окрестностямъ, возвращался довольно поздно и не обращалъ вниманія собственно на городскую жизнь, но проснулся на другой день утромъ отъ ужаснѣйшаго шума. Первымъ движеніемъ моимъ было подойти къ окну, открыть его и взглянуть на улицу. Все еврейское населеніе было въ необыкновенномъ движеніи, и на этотъ разъ самые крикливые голоса слышались отовсюду, составляя гвалтъ, какой можно услышать только во время пожара или другаго подобнаго

бѣдствія. Недалеко мужчины ходили и суетились, но женщины съ грудными младенцами перебѣгали съ одной стороны на другую, наполняя воздухъ крикливыми фразами, и кучи дѣтей, вмѣшиваясь въ толпу, суетились подобно взрослымъ. Но вообще въ этомъ шумномъ, визгливомъ говорѣ не было ничего ни угрожающаго, ни непріязненнаго, а, очевидно, происходило что нибудь необыкновенное, заслуживавшее всеобщее вниманіе. Я отправился къ хозяевамъ, но комнаты ихъ были заперты и во всемъ домѣ находился только приглуповатый мальчикъ, который объяснилъ мнѣ, что пріѣхалъ какой-то очень важный раввинъ. Любопытство овладѣло мною, и я вышелъ за ворота. Вся поперечная улица была буквально затоплена евреями, ходившими небольшими кучами, но главное стремленіе толпы направлялось въ переулокъ налѣво, куда проникнуть не оказалось возможности. Въ открытыхъ лавкахъ не сидѣлъ никто, такъ что покупателю предстояло или ожидать, или освѣдомляться отъ толпы — не видаль ли кто хозяина той или другой лавочки. Побродивъ нѣсколько времени по шумной улицѣ, я отправился внизъ и повернулъ направо съ цѣлью зайти къ кому нибудь и получить свѣдѣнія о причинѣ такого шумнаго движенія. Чѣмъ болѣе я удалялся отъ поперечной улицы, тѣмъ меньше встрѣчалъ евреевъ, а когда поднялся опять по направленію къ почтовой конторѣ, тогда уже все нашель въ прежнемъ апатическомъ положеніи и только говоръ, доносившійся издали, давалъ мнѣ знать, что митингъ былъ въ полномъ разгарѣ. Заходилъ я въ два мѣста узнать подробности о пріѣзжѣмъ раввинѣ, но мнѣ сообщили въ очень короткихъ словахъ, что пріѣзжій пользуется большой извѣстностью между евреями, и тѣмъ ограничились всѣ мои попытки. Оставалась еще у меня надежда на хозяина, очень неглупаго человѣка, къ которому я и приступилъ съ разспросами, совершивъ значительную прогулку по берегу Днѣстра. Хозяинъ оказался не весьма разговорчивымъ, такъ что личность пріѣзжаго раввина и причина пріѣзда его въ Сороки, гдѣ есть свой раввинъ, оставались для меня тайной. Отъ хозяина я могъ узнать только одно обстоятельство, что пріѣзжій пользовался репутаціей ученаго и необыкновенно религіознаго человѣка. Подобные отзывы мало однако же удовлетворили мое любопытство, но мнѣ оставалась только одна надежда на «авось» и «какъ нибудь» хоть впоследствии разъяснить это происшествіе.

Часа только на три движеніе евреевъ утихло, но къ вечеру возобновилось, какъ мнѣ казалось, съ большей энергіей. Въ сумерки дома начали освѣщаться, словно передъ праздникомъ, а между тѣмъ ихъ обитатели постоянно находились на улицѣ и бѣгали съ необыкновеннымъ проворствомъ, перекидываясь отрывочными громкими фразами. Я все время сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на это движеніе. Когда уже совершенно стемнѣло — народа привалило несмѣтное множество и евреи обоого пола всѣхъ возрастовъ составили по обѣимъ сторонамъ улицы густую шпалеру. Гвалтъ сдѣлался чудовищный и шумѣлъ, словно громаднѣйшій каскадъ низвергался съ вершины горы и спускался внизъ. Потомъ вдругъ все утихло и при свѣтѣ отворенныхъ оконъ я увидѣлъ телѣгу, запряженную парой, въ которой сидѣло два человѣка, но за которой валила огромная толпа, кланяясь и хватаясь за колеса. По мѣрѣ того, какъ телѣга подымалась въ гору, ряды евреевъ присоединялись къ толпѣ и устремлялись за отъѣзжавшимъ. Густой сиповатый голосъ говорилъ какимъ-то речитативомъ, и одинъ онъ только раздавался въ тишинѣ, несмотря на то, что вокругъ толпилось нѣсколько тысячъ народа. Мнѣ очень хотѣлось поглядѣть на знаменитаго раввина, но подойти къ нему близко было невозможно, да и не безопасно если не за жизнь, то, по крайней мѣрѣ, за бока, особенно въ ночное время. Но что можетъ сравниться съ тѣмъ ураганомъ, который пронесся мимо моихъ оконъ, когда евреи, проводивъ раввина на гору, возвращались по своимъ домамъ, спускаясь многочисленною толпою. Въ невообразимомъ вихрѣ криковъ я слышалъ однако же, какъ въ нѣкоторыхъ звучалъ плачь, хотя и трудно было сообразить хоть чтонибудь въ этомъ одуряющемъ хаосѣ. Но прошло нѣсколько минутъ, толпа исчезла, сквозь открытыя окна въ домахъ стали мелкать фигуры ихъ обитателей и скоро поперечная улица приняла свой обычный вечерній видъ со своимъ гудѣніемъ, напоминающимъ гудѣніе пчелъ въ огромномъ ульѣ.

На другой день, довольно рано утромъ, я отправился на поиски и, спустившись къ Днѣстру, первый, кого увидѣлъ, былъ еврей, бесѣдовавшій со мной у порога обь обводномъ каналѣ. Мы встрѣтились какъ старые знакомые. На довольно униженный его поклонъ я заявилъ евое сожалѣніе, что не увидѣлся съ нимъ гораздо раньше.

— Я живу не въ городѣ, а верстахъ въ двадцати, ска-

заль онъ: — и еще бы нѣсколько дней не пріѣхаль, но особенный случай...

— Я полагаю, что особенный этотъ случай былъ раввинъ...

— Вы угадали: такой гость случается не часто.

— Чѣмъ же онъ отличается отъ другихъ?

— О, проговорилъ еврей, сдѣлавъ какой-то замысловатый жестъ рукою повыше головы: — это умнѣйшій человекъ, и онъ далеко извѣстенъ.

— Я слышалъ, что онъ изъ Подольской губерніи.

— Да, изъ Подольской, но это все равно, хоть бы изъ Волынской или Херсонской: такого человека не найдется, кажется, по всему царству.

— Такой ученый, что ли?

— И какой ученый! Видите ли, уже мы и не будемъ говорить о законѣ. Тѣ раввины, которые выходятъ изъ училищъ, ему и въ подметки негодятся. Но, кромѣ того, онъ разсудить всякое дѣло.

— Какъ, дѣло? да вѣдь же для этого есть суды!

— Помилуйте! всѣ дѣла семейныя, самыя запутанныя, онъ разберетъ и выложитъ какъ на ладони.

— И ужъ если рѣшить, то и дѣло съ концомъ?

— А кто же можетъ переменить его рѣшеніе? Хотятъ ли мужъ съ женою развестись, повздорить ли женатый сынъ съ отцомъ, выйдутъ ли между родными несогласія въ наслѣдствѣ — онъ вамъ разберетъ какъ по ниточкѣ.

— Да будто же здѣшній раввинъ этого сдѣлать не въ состояніи?

— Помилуйте! Надобно, чтобъ человекъ былъ угоденъ Богу.

— Почему же вы увѣрены, что пріѣзжій ему угоденъ?

— Слухомъ земля полнится. Вотъ посмотрѣли бы вы вчера — какъ его принимали.

— Я видѣлъ только проводы...

— Что проводы! Надо было видѣть, какъ являлись къ нему на квартиру. Что губернаторъ — передъ самимъ генералъ-губернаторомъ нѣтъ такого почтенія!

— Но я одного не понимаю: онъ эти объѣзды дѣлаетъ даромъ, что ли, изъ любви къ единовѣрцамъ?

— Ну, какъ же даромъ? нельзя даромъ!

— Но если онъ святой человекъ, такъ я полагаю, что ему нечего хлопотать о деньгахъ.

— Онъ о себѣ и не хлопочеть, а беретъ для бѣдныхъ: вѣдь много у насъ бѣдныхъ.

— Что-жъ, назначается сумма отъ cadaго или какъ?

— Жертвуютъ всѣ по усердію.

— И много?

— Кто сколько дастъ, иной и десять, другой три рубля, кто пять левовъ — все хорошо.

— Значитъ онъ много собираетъ при разъѣздахъ?

— О, очень много!

— Но куда же поступаютъ суммы? кто имъ ведетъ расходъ?

— Что вы? кто же можетъ требовать расчетъ съ такого святаго человѣка.

Я принялъ этотъ отвѣтъ безъ всякаго возраженія, но невольно подумалъ, что безконтрольное распоряженіе суммами, и, конечно, значительными, не всегда можетъ идти правильнымъ путемъ и не всѣ безупречныя репутаціи, созданныя обществомъ, да еще такимъ фантастическимъ, выдерживаютъ строгую критику. Но удержался отъ замѣчаній и спросилъ: гдѣ же пріѣзжій раввинъ почерпнулъ такую глубокую премудрость? Оказалось, что онъ не изъ ученыхъ, но все самъ вычиталъ въ божественныхъ книгахъ и заткнетъ за поясъ какого угодно заграничнаго раввина.

Впослѣдствіи отъ образованныхъ евреевъ я узналъ, что подобныя личности появляются иногда, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ, и при фанатизмѣ массы обдѣлываютъ свои дѣла отличнымъ образомъ. Кто ихъ знаетъ — откуда у этихъ раввиновъ составляется громадная репутація и имъ, наконецъ, приписываются такія добродѣтели, которыхъ они никогда не имѣли; но они знаютъ объ этомъ и ловко пользуются своимъ положеніемъ. Торжественныя же свои путешествія они совершаютъ, если не ошибаюсь, преимущественно по ночамъ, потому что подобные люди боятся свѣта и гласности.

Покончивъ разговоръ о раввинѣ, знакомецъ мой еврей не преминулъ освѣдомиться о расчисткѣ днѣстровскаго порога, о которомъ, разумѣется, я ничего не могъ сообщить ему. Приглашалъ я его къ себѣ пить чай и часа два очень пріятно провелъ въ его обществѣ, потому что еврей дѣйствительно умный и смотрящій на все съ чрезвычайно практической точки зрѣнія. У него нѣтъ специальной коммерціи, онъ занимается чѣмъ попало, но высказалъ откровенно, что

не любить тѣхъ операцій, которыя не приносятъ рубль на рубль выгоды. О помѣщикахъ онъ отзывался съ большой про- нійей и доказывалъ, что они хозяйничаютъ очень плохо и что еслибы у него была земля вблизи Сорокъ, то онъ отъ одного та- баку разбогатѣлъ бы непременно. И взглядъ его въ этомъ случаѣ совершенно практиченъ. Хозяйство бессарабскихъ по- мѣщиковъ (за малыми исключеніями) до такой степени про- никнуто рутинной, что и непосвященному въ эту премудрость легко видѣть всю несообразность какъ самыхъ основаній, такъ и пріемовъ.

При выѣзда изъ Сорокъ, верстахъ въ двухъ, гдѣ киши- невская дорога подымается въ огромное и живописное ущелье, въ отвѣсной скалѣ показываютъ пещеру. Когда-то, по разска- замъ туземцевъ, здѣсь жилъ суровый отшельникъ, но ника- кихъ подробностей вы больше не узнаете. Входъ въ пещеру довольно труденъ, и она не представляетъ ровно никакого интереса, но такъ какъ послѣ генуэзскихъ развалинъ это вторая достопримѣчательность города, то каждый путешественникъ, одаренный любопытствомъ, считаетъ обязанностью вскараб- каться въ эту пещеру.

Слѣдуя внизъ по Днѣстру и пропустивъ два селенія, Вер- тюжены и Сенатовку, нельзя не остановиться на деревенькѣ Жабкѣ, которая, какъ орлиное гнѣздо, приютилась на высо- кой горѣ и выглядываетъ оттуда бѣленькими домиками сквозь чащу деревьевъ. Но здѣсь будетъ главную роль играть не деревенька, убогая, какъ и множество ихъ по Бессарабіи, а дивная мѣстность. Пространство между рѣкой и удалившимся отъ нея нагорнымъ берегомъ, который возвышается посте- пенно, порасло густымъ превосходнымъ лѣсомъ, доходящимъ почти до вершины, тянущейся то отдѣльными утесами, то сплошными массами скалъ, усѣянныхъ огромными камнями. По лѣсу пролегаютъ нѣсколько битыхъ дорогъ, по которымъ, чѣмъ дальше проникаете вглубь, постепенно встрѣчаете за- ботливый уходъ за деревьями и, наконецъ, идете уже по саду. Здѣсь въ лѣсу стоитъ жабкинскій монастырь, архивъ кото- раго мнѣ однако же былъ недоступенъ по той простой при- чинѣ, что церковные и монастырскіе архивы у насъ открыва- ются только съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго архіерея. Я упоминаю собственно объ этомъ монастырѣ потому, что здѣсь я видѣлъ — какъ монашествующая братія трудится, не въ монашескомъ, а въ общемъ значеніи этого слова. Личная ли это инициатива настоятеля, правила ли обители — не знаю,

но, проѣзжая впоследствии нѣсколько разъ мимо монастыря и заходя иногда въ обитель, я видѣлъ постоянно, какъ братія исполняютъ всевозможныя работы и дѣйствительно въ потѣ лица снѣдаетъ хлѣбъ свой. Въ монашескомъ же смыслѣ глаголь трудиться имѣетъ совершенно другое значеніе, и первый разъ съ нимъ я познакомился далеко, на берегахъ Дона. Есть въ Воронежской губерніи очень плохой городишка, Коротоякъ, извѣстный обильнымъ ловомъ стерлядей. Въ семи верстахъ отъ него, въ живописныхъ горахъ, стоитъ небольшой Дивногорскій монастырь, посѣщаемый какъ мѣстными жителями, такъ и проѣзжими, хотя трактъ этотъ глухой, ведущій только изъ Воронежа на Валуйки. Однажды лѣтомъ вмѣстѣ съ пріятелемъ В. И. I-мъ осматривали мы нѣсколько городовъ Воронежской губерніи и начали съ Коротояка. Пребываніе въ этомъ городишкѣ мнѣ очень живо по комической обстановкѣ, но эти воспоминанія въ настоящемъ очеркѣ были бы неумѣстны, хотя одинъ торжественный обѣдъ, на которомъ угощали насъ стерлядями подъ соусомъ и мороженымъ изъ овечьяго молока, стоилъ бы хотя краткаго описанія. Намъ столько наговорили о Дивногорскомъ монастырѣ, что на другой же день мы посѣтили уединенную обитель. Дѣйствительно во всемъ томъ краю нельзя найти подобнаго красиваго мѣстоположенія. Самая церковь и келіи убоги и ничѣмъ особеннымъ не замѣчательны. Игуменъ посовѣтовалъ намъ выйти за садъ и полюбоваться каменными скалами, для чего поручилъ одному монаху быть нашимъ путеводителемъ. Въ скалахъ ничего нѣтъ необыкновеннаго, но въ краю, конечно, это большая рѣдкость. Я замѣтилъ въ одномъ утесѣ неправильныя углубленія, сдѣланныя какимъ нибудь острымъ орудіемъ, и меня заняла мысль о цѣли этой непонятной и неоконченной работы. Я обратился къ монаху съ вопросомъ.

— Это уже давно, лѣтъ двадцать назадъ, *трудилась* братія, отвѣтилъ онъ.

— Для какой же надобности?

— Изъ усердія, отвѣтилъ монахъ, смотря на меня съ недоумѣніемъ.

— Хотѣли вырубить пещеру вѣроятно?

— Нѣтъ, просто трудились. Мы тоже трудимся. Развѣ вы не знаете?

— Извините, даже не понимаю.

— Возьмешь топоръ и дуешь въ стѣну — и такъ тру-

дишься часа два—три, пока взопрѣешь, такъ что волосы сдѣлаются мокры.

— Но съ какой же цѣлью?

— Изъ усердія.

И это было не больше 15 лѣтъ тому назадъ, да и теперь еще встрѣчается на разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Изнуреніе тѣла, конечно, очень важно человѣку, который желаетъ отрѣшиться отъ всего земнаго и не имѣетъ на столько силы воли, чтобы заглушить въ себѣ всѣ человѣческія стремленія; но въ такомъ случаѣ все-таки можно дѣлать что нибудь полезное хоть ближнимъ, хоть копать огороды, рубить дрова и т. п. Но выкопать безъ всякой цѣли углубленія въ скалѣ изъ усердія — то же, что и *толочь воду*. Последнее, впрочемъ, было однимъ изъ наказаній въ монастырскомъ уголовномъ кодексѣ; не знаю, теперь употребляется ли эта форма.

Жабкинскіе монахи много трудятся, но трудъ ихъ производителенъ, и я убѣжденъ, что это усердіе гораздо дѣйствительнѣе усердія дивногорскаго. Сколько я ни видѣлъ здѣсь братіи, я не замѣтилъ ни одной личности, которая показывала бы даже склонность къ завидной полнотѣ или даже одутловатости. Все это народъ худощавый, по большей части изнуренный. Безъ сомнѣнія я не могу сказать, что видѣлъ *всѣхъ*, но, по крайней мѣрѣ, говорю о тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался. Мнѣ кажется, и самая справедливость требуетъ того, чтобы кучка людей отрѣкшихся отъ міра, отказавшихся отъ интересовъ государства и отъ всякой солидарности съ обществомъ, не была въ тягость ни государству, ни обществу. Завидна цѣль человѣка, покинувшаго все земное и стремящагося лишеніями и добровольными страданіями купить себѣ благо вѣчности; но такой человѣкъ не долженъ уже заботиться о благахъ матеріальныхъ, а главное — не требовать никакихъ услугъ отъ общества, съ которымъ разорвалъ всякія связи. Въ обществѣ много и собственныхъ вопіющихъ нуждъ, а потому желательно, чтобы побольше встрѣчалось монастырей, которые въ потѣ лица снѣдали бы хлѣбъ свой, не эксплуатируя труда ближнихъ, какъ это дѣлаютъ монастыри заграничные, владѣющіе въ Бессарабіи населенными имѣніями. Много ли надо монаху для поддержки существованія, много ли надо человѣку обрѣкшему себя на служеніе Богу и на быть, по уставу, требующій всевозможныхъ лишеній? Мысль эта очень проста и естественна, но я удерживаюсь рассказывать о своихъ наблюденіяхъ касательно этого предмета, по-

тому что довольно еще у насъ Асоченскихъ, которые въ подобныхъ описаніяхъ увидятъ, пожалуй, посягательство на религію, хотя гг. асоченствующіе на каждомъ шагу попираютъ самыя святыя евангельскія истины.

Я не могъ подробно изучить быта жабкинской братіи и потому не буду распространяться, но заявляю очевидный фактъ, какъ онъ есть, и признаюсь, что мнѣ пріятно было встрѣтиться съ подобнымъ фактомъ, бывшимъ доселѣ, по крайней мѣрѣ для меня, чрезвычайною рѣдкостью.

Наискось отъ монастыря, почти противъ селенія Сена-товки, на подольскомъ берегу, лежитъ мѣстечко Каменка, принадлежащее князю Витгенштейну. Замѣчательнѣе всего здѣсь господскій домъ, красивый и огромный, и великолѣпнѣйшій садъ, которому подобнаго нѣтъ на всемъ протяженіи Днѣстра. Здѣсь же воздѣлывается и виноградъ въ такомъ количествѣ, что изъ него добываютъ вино даже для продажи. При жизни покойнаго фельдмаршала, какъ говорятъ, имѣніе это было отлично устроено, потому что владѣлецъ, отдыхая послѣ многолѣтней службы, любилъ заниматься своей вотчиной.

Пониже лежитъ торговое мѣстечко, Рашковъ, заселенное множествомъ промышленныхъ евреевъ. Замѣчательно оно тѣмъ, что на противоположномъ подольскомъ берегу, только черезъ Днѣстръ, имѣющій десятка два сажень ширины, раскинулось такое же мѣстечко, подъ тѣмъ же названіемъ, и можно себѣ представить—какая усиленная происходитъ дѣятельность при столкновеніи и соперничествѣ бессарабскихъ съ подольскими евреями. Предметы промышленности, разумѣется, одни и тѣ же, и такъ какъ жители одного мѣстечка знаютъ до мельчайшихъ подробностей средства жителей другаго, то и стараются всѣми возможными средствами перехитрить и перенадуть другъ дружку. Евреи подольскаго Рашкова шатаются по Бессарабіи и завязываютъ сношенія съ молдаванами; евреи же Рашкова бессарабскаго устремляются въ Подолію и стараются обдѣлывать свои дѣлишки, вслѣдствіе чего между обѣими сторонами возникаютъ частыя несогласія, даже существуетъ нѣчто вродѣ вендеты, которая, впрочемъ, не ведетъ за собою кровавыхъ послѣдствій. Раза три по нѣскольку дней проживалъ я въ Рашковѣ (бессарабскомъ), и меня постоянно занимало соперничество евреевъ, которые обыкновенно ссорились въ продолженіе недѣли, а въ шабашъ дружелюбно разговаривали черезъ рѣку.

На этой мѣстности, несмотря на узкое пространство

Днѣстръ принимаетъ видъ болѣе судоходной рѣки, потому что по берегу вездѣ видны порожнія галеры, которыя ожидаютъ только полноводья, чтобъ грузиться товаромъ и спускаться въ низовья къ лиману. Сюда, какъ къ двумъ торговымъ пунктамъ, съ противоположныхъ сторонъ свозятся пшеница и кукуруза, скупаемая мѣстными евреями. О промышленности этого племени очень много уже было писано, но я не могу не привести еще одного убѣдительнаго доказательства. Во время послѣдняго моего посѣщенія этой мѣстности черезъ Балту проведена уже была телеграфная проволока и въ Балтѣ открыта станція. Неизвѣстно мнѣ—много ли евреи пользовались телеграфнымъ сообщеніемъ, но одинъ мой знакомый изъ бессарабскаго Рашкова ѣздилъ за семьдесятъ верстъ въ Балту подавать депешу. Еврей этотъ очень разумный и съ большимъ тактомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, мнѣ не попадался другой такой въ Бессарабіи. У него при въѣздѣ въ Рашковъ свой собственный хорошенькій домикъ, убранный довольно щеголевато. Съ нимъ я съ удовольствіемъ бесѣдовалъ какъ о мѣстной торговлѣ, судоходствѣ, рыболовствѣ, такъ и вообще о промышленныхъ средствахъ края, что ему было знакомо какъ пять пальцевъ. По его словамъ прилегающія мѣстности и Подолии, и Бессарабіи — золотое дно, изобилующее прекрасною растительностью, но хозяева не умѣютъ извлекать настоящей выгоды. О судоходствѣ онъ мнѣ сообщилъ, что недавно пониже къ Бендерамъ одинъ предприимчивый г. Поповъ началъ строить особенныя суда съ мачтой, которыя поднимаютъ груза гораздо больше галеры и значительно безопаснѣе послѣдней. Суда эти здѣсь называются плашкотами, не знаю уже на какомъ основаніи, потому что это просто палубныя лодки, какъ я увидѣлъ впоследствии. Но плашкоты эти имѣютъ всѣ неудобства по причинѣ дороговизны фрахта, вслѣдствіе чего они и не прививаются. Плашкотъ же дешево взять не можетъ, во первыхъ, самъ стоя дорого, во вторыхъ, требуя расходовъ по поднятію его вверхъ по рѣкѣ, особенно на большомъ разстояніи, такъ какъ снизу не отирается никакихъ товаровъ. Парусъ его, придѣланный скорѣе для красоты, не можетъ принести существенной пользы, потому что, кромѣ необыкновенной извилистости Днѣстра, въ силу котораго при самомъ попутномъ вѣтрѣ пришлось бы постоянно маневрировать и при малѣйшей оплошности посадить судно на мель, какихъ по рѣкѣ довольно и отъ затонувшихъ галеръ и плотовъ, и отъ наноснаго ила при крутыхъ колѣнахъ. Плашкоты эти строены

съ очень хорошимъ намѣреніемъ: строитель руководился мыслию придать имъ свойство — при возможно большемъ грузѣ возможно меньшей осадки, но грузовая ватерлинія значительно возвышается на практикѣ, и плашкоть, принявшій полный грузъ, не можетъ проходить на многихъ мѣстностяхъ. Конечно, удобнѣе всего было бы выстроить желѣзныя баржи, но никакое улучшение судоходства на Днѣстрѣ немислимо, пока не будетъ расчищенъ фарватеръ отъ Бендеръ до Сорокъ. Ниже Бендеръ, при значительной глубинѣ, рѣка уже представляетъ удобный и безопасный путь для плаванія.

Рыболовство здѣсь не представляетъ ровно никакого интереса. Напрасно по обоимъ берегамъ Днѣстра искалъ я рыбаковъ въ смыслѣ, какой мы привыкли придавать этому сословію. Молдаване даже какъ-то неохотно ловятъ рыбу и для собственнаго употребленія. На подольской сторонѣ я слышалъ отъ стариковъ, что прежде въ Днѣстрѣ было очень много рыбы, что сюда пріѣзжали промышленники, но вотъ уже лѣтъ около тридцати какъ промыселъ этотъ прекратился и имъ занимаются мѣстные жители между прочимъ. Подобное извѣстіе ставило меня всегда въ тупикъ. Мнѣ уже было не новость слышать объ уменьшеніи рыбы при моихъ поѣздкахъ по берегамъ Днѣпра, гдѣ, несмотря на это, существуютъ рыбные заводы и подчасъ ловится огромное количество рыбы. Жалоба на оскудѣніе рыбы у нѣкоторыхъ прирѣчныхъ жителей сдѣлалась стереотипной фразой, и если на иной мѣстности этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, то на другихъ оказывается несостоятельнымъ. Дѣйствительно есть множество злоупотребленій, мѣшающихъ размноженію рыбы, хотя, несмотря и на это, ея выводится все-таки большое количество, но это не рѣдкость тамъ, гдѣ существуетъ множество заводовъ, а на Днѣстрѣ рыболовная сѣть большая рѣдкость. Чего лучше — приморскіе рыбаки будутъ вамъ непременно жаловаться на оскудѣніе рыбы, хотя уже тамъ этому злу рѣшительно не могутъ способствовать никакія человѣческія злоупотребленія. Отсутствие рыболовной промышленности на Днѣстрѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ приписать той апатіи, той неподвижности, съ которой истребляются драгоценныя лѣса, истощается почва, ведется хозяйство. По крайней мѣрѣ я, на сколько удавалось мнѣ собрать объ этомъ свѣдѣнія, не могу придти къ другому заключенію. Рыба есть, сбытъ не подлежитъ сомнѣнію и недостаетъ главнаго — охоты заняться этимъ промысломъ. И здѣсь встрѣчается какое-то странное,

необъяснимое противорѣчіе въ отсутствіи черты, прирожденной всѣмъ прибрежнымъ жителямъ различныхъ націй. Возьмите какую угодно, даже дрянную, рѣчку—мѣстное населеніе непременно занимается рыбной ловлей и при малѣйшей возможности развиваетъ этотъ промыселъ, потому что рыба—любимая и подь-часъ необходимая пища нашего простолюдина. Въ Днѣстрѣ же, если и существуетъ рыболовство, то пониже, но на многія мѣстности, населенныя молдаванами, пріѣзжаютъ русскіе промышленники со своими снарядами и покупаютъ право заниматься ловлей рыбы. Объ этомъ обстоятельствѣ я много разговаривалъ съ моимъ знакомцемъ, рашковскимъ евреемъ. Онъ положительно утверждаетъ, что съ молдаванами ничего не подѣлаешь, и приводитъ множество примѣровъ ихъ неподвижности въ промышленномъ отношеніи. О подолянѣхъ же онъ выразился, что хотя послѣдніе и дѣлаютъ попытки къ рыболовству, но такъ какъ рѣчки принадлежатъ помѣщикамъ и помѣщики считаютъ невыгоднымъ это занятіе, то и промыселъ не получаетъ никакого развитія. Между тѣмъ рыба на мѣстѣ продается очень дорого и уловъ ея только что въ состояніи удовлетворить весьма немногихъ гастрономовъ. Впослѣдствіи однако же я видѣлъ и молдаванъ рыболововъ.

За Рашковымъ, верстахъ въ тридцати слишкомъ, лежитъ довольно торговое мѣстечко, Резина, не доѣзжая до котораго встрѣчается необыкновенно крутой спускъ, огромнѣе и чуть ли не опаснѣе описаннаго мною въ первыхъ главахъ возлѣ селенія Молодавой. Гора эта при деревнѣ Черной, которая лежитъ тутъ же на берегу. Въ Резинѣ и лежащемъ на подольской сторонѣ мѣстечкѣ Рыбницѣ какъ торговля, такъ и промышленность тѣ же, что и въ Рашковѣ. Зато мѣстоположеніе Резины гораздо красивѣе. У меня остались два воспоминанія объ окрестностяхъ этихъ мѣстечекъ, и одно изъ нихъ относится къ области художественной, а другое къ особенному условію народнаго быта. О первомъ я могъ бы и не говорить, но такъ какъ пришлось къ слову, то упомяну вскользь, что верстахъ въ пяти внизъ по Днѣстру лежитъ монастырь въ такомъ великолѣпномъ ущельѣ, какого я не видѣлъ даже въ Буковинѣ, которая сплошь и рядомъ представляетъ путешественнику живописныя виды. Представьте себѣ отвѣсныя скалы не менѣе полутора саженъ вышины, на которыхъ, гдѣ только можно бы уцѣпиться дереву, зеленѣетъ пышная растительность и изъ глубины ущелья, откуда-то далеко, бѣжитъ свѣтлый, прозрачный горный ручей, который при выходѣ

однако же охваченъ нѣсколькими мельницами и, превращенный въ грязный потокъ, ворочаетъ жернова въ пользу братіи. Старинныя келіи, высѣченныя въ утесѣ, доказываютъ, что монастырь прежде находился въ ужаснѣйшемъ захолустьѣ. Кто, проѣзжая по этимъ мѣстамъ — хотя и трудно предположить здѣсь путешественниковъ, — захочетъ полюбоваться чудными пейзажами, хотя бы въ этомъ случаѣ и избаловали его побережья Днѣстра — тотъ все-таки пусть съѣздитъ въ монастырь и пройдетъ по ущелью.

Жизнь въ Резинѣ, какъ и вообще въ прибрежныхъ деревняхъ, была для меня въ высшей степени однообразна, и, хоть я посѣщалъ повременамъ поссесора, грека, отъ котораго мало, впрочемъ, получилъ интересныхъ свѣдѣній, однако, меня начало одолѣвать уныніе. На томъ берегу тоже не весело; какъ подольскіе крестьяне, такъ и бессарабскіе царане не могутъ похвастаться своимъ благосостояніемъ. Сцены грубаго произвола, система угнетенія простаго люда и невозможность послѣдняго пользоваться даже тѣми немногими гарантіями, которыя должны ограждать его отъ притѣсненій — все это, повторяясь повсемѣстно, начинало сильно дѣйствовать на мое настроеніе. Мнѣ постоянно попадались помѣщичьи деревни, а я уже и въ первыхъ главахъ довольно говорилъ объ администраціи бессарабскихъ помѣстій. На томъ берегу дѣйствовала тогда — это было въ 1859 г. — такъ называемая инвентарная система, введенная въ западныхъ губерніяхъ, на бумагѣ дѣйствительно облегчившая положеніе господскихъ крестьянъ, но въ жизни рѣдко развѣ гдѣ избавившая его отъ гнета крепостнаго права. Я увѣренъ, что читатель даже не спроситъ меня — почему же такая разладица между закономъ и его приложеніемъ, но убѣжденъ также, что и не заподозритъ меня въ крайнемъ пессимизмѣ. Говорю это, разумѣется, о людяхъ знающихъ хоть какойнибудь уголокъ провинціи. Всѣ столкновенія по поводу инвентарей у крестьянъ съ помѣщиками вершила земская полиція, и этого, кто хоть скольконибудь знакомъ съ западными губерніями, весьма достаточно, чтобы не быть оптимистомъ.

Зная по слухамъ о привольномъ сравнительно бытѣ *резешей* (мелкихъ собственниковъ), я все ожидалъ, что наконецъ встрѣтятся же мнѣ гдѣнибудь надъ Днѣстромъ эти бессарабскіе однодворцы. Но я посѣтилъ половину рѣки, а о резешахъ все еще не было помина. Наконецъ одинъ бывалый еврей объяснилъ мнѣ, что я не встрѣчу ихъ и до самаго лимана, и

если хочу познакомиться съ этимъ сословіемъ, то могу отпра-виться куда нибудь въ сторону, хоть даже изъ Резины верстъ за двадцать, въ резешскую деревню. На другой же день я рѣшился исполнить давнишнее свое желаніе и рано утромъ въ простой чертопхайкѣ, съ удалымъ молдаваномъ, который мараковалъ по русски, на бойкихъ лошаденкахъ, выѣхалъ на-задъ по рашковской дорогѣ. Мнѣ предстоялъ подъемъ на ту ужасную гору, о которой я упоминалъ, и, хоть проводникъ мой увѣрялъ, что живо вывезетъ меня на вершину, однако, изъ жалости къ лошадямъ и нѣкотораго чувства самоохране-нія, я предпочелъ взбираться пѣшкомъ на длинную и изви-стую гору.

Я уже, кажется, описывалъ — какъ молдаване и рускіе обращаются съ самыми неудобными спусками и подъемами, и довольно таки привыкъ подыматься и спускаться самымъ бѣ-шеннымъ галопомъ, но при такихъ высотахъ, какъ въ Мо-лодавой и Черной, нельзя не посовѣтоваться и съ благораз-уміемъ. Зато же на вершинѣ, давъ только вздохнуть не-много лошадямъ и то потому, что я замѣшкался, оборачи-ваясь полюбоваться видами, мой возница пустилъ свою пару въ карьеръ и черезъ часъ или даже менѣе примчалъ меня къ цѣли желаній. Передо мной, вся въ садахъ, лежала краси-вая молдавская деревня.

— Гдѣ же мы пристанемъ? спросилъ я.

— А гдѣ угодно — у дворника (старшины), а не то по-ѣдемъ на земскую почту. Пристать можно вездѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы подальше отъ этихъ дворниковъ и писарей.

— Видите ли, много хозяевъ нѣтъ дома, а ужъ на земской почтѣ вѣрно есть.

— Ну, пожалуй, хоть на земскую почту.

Я и не хотѣлъ останавливаться въ Каза-ди-обшти, чтобы удалить всякую оффиціальность.

Поворотивъ раза два то вправо, то влѣво, мы очутились во дворѣ, возлѣ чистой вымазанной просторной хаты. Вы-шла довольно пожилая женщина и объявила, что хозяина нѣтъ дома, лошадей нѣтъ. Это я понялъ, но я не понялъ дальнѣшаго съ нею разговора моего возницы, потому что они говорили очень быстро, и, наконецъ, я плохо понималъ по молдавански.

— Хозяйка просить отдохнуть въ горницу, сказалъ мнѣ проводникъ.

Дѣйствительно и мнѣ хозяйка выговорила свое «добро пожаловать».

О чистотѣ молдавскихъ жилищъ нечего и говорить, но здѣсь, кромѣ чистоты, замѣтна была уже нѣкоторая роскошь и самые размѣры хаты были гораздо больше. Кромѣ обычныхъ ковровъ, разложенныхъ и развѣшанныхъ гдѣ только можно, въ углу стоялъ шкафъ съ посудой и серебряными ложками, по стѣнамъ висѣли дешевыя заграничныя литографіи. Не успѣлъ я снять дорожной сумки — какъ уже хорошенькая дѣвушка принесла въ двухъ банкахъ варенье, стаканъ воды, серебряную ложечку и проговорила:

— Дульчеца апа речи (варенья съ водою).

Но я пріѣхалъ къ резешамъ не сидѣть въ горницѣ, а осмотрѣть деревню, потолковать, если можно, съ жителями и сравнить ихъ бытъ съ бытомъ царанъ. Отсутствіе хозяина сильно меня обезкуражило, но случай помогъ мнѣ исполнить мое желаніе. Въ горницу вошелъ высокій сѣдоватый молдаванъ, въ халатѣ, подпоясанный цвѣтнымъ поясомъ, и поздоровался довольно чисто по русски. Я предложилъ гостю табакъ, онъ самъ распорядился попотчевать себя хозяйскимъ вареньемъ, и я откровенно объяснилъ ему причину своего посѣщенія.

Молдаванъ съ гордостью замѣтилъ мнѣ, что резеша почти тѣ же бояре (дворяне) и что порядочный резешъ не ударитъ лицомъ въ грязь передъ какимъ нибудь *поссесоромъ*. Но мнѣ нужны были не хвастливыя фразы, а хоть какіе нибудь факты, изъ которыхъ я могъ бы иногда посудить о степени благосостоянія этого сословія.

Гость мой былъ словоохотенъ и вызвался быть моимъ путешводителемъ. Около двухъ часовъ странствовали мы по деревнѣ, заходили въ ихъ избы по моему указанію, гдѣ хозяйка, а больше хозяйки приняла меня радушно и угощала неизбѣжнымъ «дульчеца апа речи». Вездѣ замѣтно было нѣкоторое довольство, нигдѣ я не видѣлъ убожества. Резеша, владѣя собственными участками, занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ; женщины ткуть ковры, играющіе немаловажную роль въ быту молдаванина; виноградники и табачныя плантаціи составляютъ только подспорье. Особенно богатства я не замѣтилъ; двѣ—три хаты убраны нѣскольکو щеголеватѣе прочихъ, но вся деревня смотритъ какъ-то весело и у каждой хаты возвышаются довольно большія кошницы, у иной даже по нѣскольку. Но и при недостат-

кахъ резешъ не унываетъ на томъ основаніи, что все же его уголь лучше нетолько царанина, но и самаго государственнаго крестьянина, точно такъ же, какъ и однодворцы, о которыхъ поется въ пѣснѣ:

Самъ крестьянинъ,
Самъ и баринъ,
Самъ и пашеть, и орегъ,
Самъ и пѣсенку поеть.

Чичероне мой, по обычаю, хвалилъ прежнее время и утверждалъ, что встарину было гораздо лучше, а когда я потребовалъ доказательствъ, то это лучшее ограничивалось дешевизною жизни. Резешамъ вообще и теперь не худо, и если сравнить ихъ бытъ съ бытомъ царанъ, то первые просто благоденствуютъ. Конечно, читатель согласится со мною, что въ нѣсколько часовъ я не могъ нетолько вникнуть въ дѣло, но даже и поверхностно обзрѣть его, и потому, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было заключеній, я имѣю право только сказать, что посѣщеніе резешей, лично на меня, произвело очень пріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи я жилъ въ селахъ государственныхъ имуществъ и все-таки не находилъ ни того всеобщаго довольства, ни даже той обстановки.

Изъ Резины ѣхалъ я вдоль крутаго берега красивой дорогой до мѣстечка Кріулянъ, наискось отъ которыхъ, лѣвѣе, стоитъ заштатный городокъ Херсонской губерніи, Новые Дубоссары, куда и завернулъ познакомиться съ новой для меня мѣстностью.